

Как преподобный Иларион изгонял дьявола с Кулишек

(Из книги: «Житие преосвященнейшего Илариона, митрополита Суздальского, бывшего Флорищевой пустыни первого строителя»
Казань, 1868 г.)

В приведенном тексте по отношению к первоисточнику буква «і» заменена на «и», буквы «ять» и «фита» на «е» и «ф».

Значения слов: сицевая — таковая, о чесом — о чем, авва — отче, калугерь — монах,

При державе благочестивейшаго царя Алексия Михайловича, всея России самодержца, случися в томъ самомъ царствующемъ граде Москве вещь быти сицевая. Въ нищепитательнице патриаршей на Куличкахъ, что за варварскими враты близъ Ивановскаго монастыря, по действию некоего чародея вселился демонъ и живущимъ тамо разные пакости творяше, о чесомъ авво Марко повествуетъ, глаголя, яко онъ въ то время съ преподобнымъ самъ в техъ богаделнахъ былъ и самовидецъ тому бысть. И не даяше той демонъ никому в нощи и во дни уснути, таская съ постель и лавокъ людей, и въ слухъ всемъ нелепая вопияше, стуча и гремя на печи и на полатехъ въ углахъ, нелепыми гласы крнча, всехъ устрашаше. Благочестивый же царь Алексий Михайловичъ повеле духовнаго чина мужемъ на отгнание того демона молитвы творити; обаче ничтоже тии успеха, но паче днаволъ, якоже левъ, свирепее всехъ укоряше, и грехи техъ яве сказуя обличеше и постыждаше, и зельнымъ страхованнемъ оныхъ же и вниенем всехъ вонъ изгоняше. Множицею же тако понуждахуся того демона изгнати, но ничтоже успеха.

Тогда некто, ближайший царю, возвести о преподобнемъ Иларионе, яко ему отъ Бога надъ дүхи нечистыми сподобитися власть прияти, еже молитвою отъ человекъ техъ прогнати. Благочестивый же царь повеле преподобнаго Илариона предъ себе призвати, зане преподобному в то время на Москве бывшу. Послании же обретоша преподобнаго на пути негде идуща, и возвестиша ему, яко благочестивый царь его требуетъ, да соизволитъ идти съ ними немедленно. Преподобный же, неведый что къ нимъ отвещати, токмо глаголя: «Господи помилуй»! Убояся бо, мневъ некоторое на него къ царю оклеветание. Обаче поиде с ними. Одежда же на преподобномъ въ то время бысть: овчинная шуба,

личнымъ плетнемъ подпоясана, а сверхъ шубы суконная обветшалаая ряса. И приведше преподобнаго, поставиша его предъ лицемъ царевымъ. Преподобный же, мневъ, яко некоторый гневъ от царя бѹдетъ, помолися по обычаю Господу Богу предъ святыми образами, и поклонися царю до земли, ничтоже глаголя. Благочестивый же царь глаголаше къ нему: «не бойся, честный отче; не на страхъ бо ты зде призва. но на благой советъ». И начатъ ему глаголати сице: «потрудися, Бога ради и не преслѹшай прошения нашего; слышахъ бо азъ о тебе, яко ты предъ Богомъ добре жителъствуеши». Преподобный же глагола: «грешенъ азъ есмь человекъ, земля сый и пепелъ». Благочестивый царь глагола: «оваче не преслѹшай нашего прошения: пойди на женскія оныя богадельны, имя рекъ, и помолися ко Господу Богу прилежною своею молитво, и изжени оттѹда беса, яко тамо живѹщимъ многіе пакости и труды творитъ». Преподобный же, противу отвѣщавъ, глагола: «о благочестивый царю! Яко выше силы нашея сие творити ми повелеваеши; не наше бо сие дело, но великихъ святыхъ отцевъ, в добродетелехъ просиявшихъ, и такуюю власть и силу отъ Бога надъ нечистыми дѹхи примшихъ. Азъ же есмь земля сый и пепелъ, и зело первый грешникъ. По истинѣ ѹбо дело сие превосходитъ мерѹ нашу; оваче, благочестивый царь, сотвори милость надо мною ѹбогимъ, отпусти мя о своихъ гресехъ плакати и покаяние принести, нечистъ бо есмь предъ Богомъ». Благочестивый царь отвѣща ему: «не отрицайся, отче святыи, добраго дела сотворити, якоже и писание глаголетъ: со всеми бо добрыми делы твоими имей святое послушание. Ибо оное есть паче поста и молитвы и зело предъ Богомъ многоценно, самъ бо Той глаголетъ: милости хощѹ, а не жертвы. Не на лица бо зритъ Бог, но творитъ волю боящихся его, и милостивно ихъ слѹшаетъ». Преподобный же, отвѣщавъ, рече: «аще и не имамъ ѹслышанъ быти, о благочестивый царю! оваче за послушание пойду грешникъ противу силы моеи, не могу бо болѣе противу вашей царской воле что глаголати, или противенъ быти». И тако, поклонився царю, поиде.

В то время вселенскіи патріархи къ Москвѣ приѣхали. Преподобный же, по веленію царевѹ, поиде въ оныя богадельны, обложивъ себе глѹбокимъ смиренномѹдрнемъ. И егда с монахомъ Маркомъ, да с монахомъ Иосифомъ, прозываемымъ Рязникомъ, пришедъ въ те богадельны ѹже къ вечерѹ, начали по обычаю своему вечернее пение совершати, такожде и малое повечеріе, и три канона: Исѹсу сладчайшему, пресвятой Богородицѣ и ангелѹ хранителю, между же каноновъ акафистъ пресвятей Богородицѣ и молитвы спальныя и всю по рядѹ слѹжбѹ, яко въ пѹстынѣ обыкоша творити. Діаволъ же, не терпя таковая пѣнія слѹшати, начатъ на полатехъ крепко стѹчати

и нелепыми гласы кричати, укоряя преподобнаго безстыдными вещаньми, глаголя: «ты ли, калугере, пришел еси семо изгнати мя? Пойди убо ко мне, переведаемся со мною». Преподобный же нимало куда овозрися, а дияволъ единаче кричаще: «пойди, калугере, переведаемся со мною». Егда же прииде время акафистъ пресвятей Богородице читати, и убо, воззревъ на небо, воздвиже рүце горе и удари въ перси своя крепко; слезы же отъ очию его яко градъ потекоша, и паде ницъ на землю от великия жалости, и пакы отъ земли воста начатъ велегласно, по обычаю своему, акафистъ читати. Дияволъ же, молитвами преподобнаго яко огнемъ жегомъ, отскочи оттүдү, яко стрела быстра, и үмолче въ то время, донеже акафистъ преподобный читаще. Егда же соверши, тогда пакы начатъ дияволъ нелепыми гласы вопити, глаголя: «ой же убо ты, плакса! еще ты расплакался; пойди ко мне, я с тобою переведаюсь». Егда же преподобный съ теми монахи, по обычаю своему, то церковное правило совершиша и үже въ нощи огонь погасиша, тогда преподобный съ теми монахи начали келейное правило исправляти. И начатъ преподобный на диявола передъ Богомъ неутешно плакати, да изженетъ его оттүдү. Дияволъ же вскрича великимъ гласомъ: «охъ, охъ, калугерьъ, еще ты в потемкахъ расплакался»; и застүчалъ на полатехъ зело крепко, глаголя: «азъ къ тебе идү», и үмолче.

Монахъ же Марко глаголетъ: азъ убо отъ страха вонъ изъ келлини хотехъ бежати, преподобный же подтверди на молитве крепко нхъ стояти и прилежныя молитвы к Богу творити, и отнюдъ не бояться ничеюже, глаголюще, яко ни надъ свиннями дияволъ безъ повеления Божия власти не имеетъ. Дияволъ же обратися котомъ чернымъ, и начатъ къ преподобному подъ колени подскакивати. Егда же начнетъ преподобный поклоны класти, препятие емү творише тако: еже бо како нибүдъ преподобнаго на гневъ привести и отъ молитвы отвести. Онъ же, незловивъ сый, егда дияволъ подскочитъ подъ колени емү, тогда онъ рүкою отбросаше его, и тако поклонъ совершаше. Отправя же то свое келейное правило, повелеваше, перекрестя лица своя, ничтоже боящися спати. Авво же Марко глаголетъ: азъ убо глүбоко подъ шүбү отъ боязни скрыхся. Егда же нощь прейде, а день приближися, тогда преподобный, восставъ отъ сна своего, и по обычаю үтреннее пение совершаше, по отпетии же үтрени, хождаше за своимъ монастырскимъ деломъ. Въ то время дияволъ сказоваше богадельнымъ бабам о преподобнемъ, глаголя, «яко хорошо калугерьъ сей предъ Богомъ живетъ; его убо предъ Исүсомъ и Мариєю во акафисте начать плакати, үстрашивъ убо зело мене, и яко огнемъ въ то время спалилъ мя, и убо, не стерпя азъ вонъ избежахъ, а егда онъ началъ въ потемкахъ милитися, азъ застүчалъ

крепко, но онъ отнюдъ не устрашился, и учениковъ своихъ подтвердилъ не бояться; азъ же черною кошкою подъ колени ему подскакивалъ и мешалъ ему множицею, хотехъ на гневъ его привести и отъ молитвы отвести, обаче не возмоглъ есмь». Сне же окаянный глаголаше къ нимъ, самъ невидимъ бѣше. В то же время положила баба отрока въ люльку; дияволъ же выхватя отрока и, взявъ невидимо самую бабу, положилъ въ детскую люльку, начатъ трясти, приговаривая: «люли баба; люли, дурная»! И егда же идяше преподобный паки в богадельны, и уже приближашеся, тогда дияволъ, оставя бабу в люлке, глагола: «идетъ паки калугеръ той; обаче тошно мне будетъ отъ него»; скрыся и умолче. Преподобный же, пришедъ въ богадельны, повеле уготовати столъ и пелену постлати, самъ же облачесе в ризы и, взявъ крестъ, начатъ воду святити. Дияволъ же начатъ нелепыми гласы кричати и белымъ камениемъ большимъ бросати, яко всей богадельне столу и чаше отъ стука трястися; обаче преподобнаго темъ камениемъ не вреди, токмо предъ ногами, и сопреди и создаи, и съ боковъ те камение падаху. Преподобный же никакъ убоися, ниже обозрися, токмо обычное водоосвящение со многими слезами совершаше, а дияволъ единаче нелепо кричаше, глаголя: «еще ли ты расплакался, калугере! Пойди убо ко мне, я с тобой перевидаюсь». Егда же преподобный воду освяти, тогда взявъ крестъ в левую руку, кропило же в правую; абие покропивъ прежде святыя иконы, обращся же пойде, идеже дияволъ нелепо кричаше, глаголющее: «где же ты враже всякия правды? Азъ рабъ Господа моего Исуса Христа, за ны грешныя на кресте распятие претерпевшаго! о имени того гряди вратися съ тобою! изыди убо окаяние и нечисте»! И начатъ святою водою повсюду кропити, на печи и на полатехъ, на лавкахъ и подъ лавками, и не остави нигде ни одного места, идеже бы не покропити. Тогда дияволъ умолче, и отъ страха скрыся, и три дня не приходилъ тамо. По трехъ же днехъ паки объявился и начатъ ту сущимъ богадельнымъ бабамъ кричати, яко хорошо калугеръ сей предъ Богомъ живетъ, невозможно убо мне приблизитися къ нему яко огнемъ палитъ отъ него. Тогда принде отнекуды преподобный, дияволъ же паки начатъ вопити и кричати, обаче не тако дерзновенно, якоже прежде; начать бо изнемогати, и немовато глаголаше. Преподобный же рече къ нему: «единаче ли безстыдсвѣши, окаяние? заклиная тя именемъ Божиимъ, повеждь ми, где былъ в мимошедшия три дни? и егда азъ священою водою кропилъ, где еси скрывался»? Дияволъ же отвѣща: «егда ты кропилъ водою, азъ в то время подъ платьемъ на шесте сидѣлъ; а егда тамо не усидѣлъ, перескочилъ на шестокъ, а ты и тамо забыл покропити, и ту до сихъ часовъ отдыхалъ, сидя». Преподобный же паки вопроси его: «а камение белое где береш»? Дияволъ же отвѣща:

«съ белаго города веру». Паки вопроси преподобный: «како ти есть имя»? Дяволъ же рече: «имя ми есть Игнатий, княжескаго роду, обаче плотянь есмь; меня послала мамка к демону, и абие взяша мя демоны». Преподобный же заклать его именемъ Божиимъ, повелеваше ему оттуду изыти. Дяволъ же глаголаша, «яко не могу отсюду изыти; понеже бо zde присланъ есмь, а не самъ придохъ». Преподобный глагола: «азъ имамъ на тя къ Богу молитвы творити; изыди, прокляте!» Дяволъ же на тако дерзновенно глаголаше, яко прежде, зело бо немовато и бездерзновенно, и начатъ уже исчезати. Некогда, не сущу ту преподобному, мимо идоша тоя богадельни священницы, и начаша подъ окномъ тоя богадельни молитвы закинатѣльныя читати. Дяволъ же воскрича на нихъ зело крепкимъ и нелепымъ голосомъ, и застучалъ крепко, чтобы устремитися на нихъ, глаголя: «охъ, охъ! пожиратели сами сущи, яко свинии пиянии сущи! мене ли хощете изгнати»? Священницы же, зело уstraшившися, отвѣгоша оттуду борзо, да не заштитъ ихъ окаянный, и пондоша в дома своя ужасни. Начаша некогда богадельныя бабы между собою сваритися, яко многия между собою ими бывають. Демонъ же глагола къ нимъ: «едина отдай мыльцо, а друтая свинное рыльцо». И тако той окаянный, якоже прежде тать бе, и ихъ тому же научи; обаче обенхъ в той татьбе и обличи.

Некогда монахъ Иосифъ, прозываемый Рявникъ, спал на полатехъ, обаче забылъ, ложася, лице свое перекрестити. Тогда дяволъ дерзнулъ поцеловати во уста его и воскрича глаголя, яко и преподобному, ту сущу слышати: «азъ поцеловахъ во уста днакона вашего, что на полатехъ лежитъ, долгиа волосы, обаче студеныя губы у него». Преподобный же глагола къ нему: «како смелъ еси, окаяние, тако дерзнути». Дяволъ же глагола: «увѣдахъ, яко не перекрестяся спитъ, того ради невоязненно приступил к нему». Преподобный же глагола къ ту сущимъ, яко ажетъ окаянный, невестъ бо, кто какого чина; ибо сей несть днаконъ. Боряся же преподобный с темъ дяволомъ седмицъ пять, прилежныя своя молитвы къ Богу творя, и воду святя и повсюду кропя; абие той демонъ мало по малу исчезе оттуда конечно, и ктому никележе тамо вниде, жегомъ Божиею благодатию, и молитвами преподобнаго отца Иларiona. И поживе преподобный въ техъ богадельнахъ седмицъ десять, и тако возвратися в монастырь свой в духовной силе, яко царевъ храбрый воинъ, и въ бранехъ победитель крепкий, отъ супостата отнюдъ непреодоленный, нечистымъ духомъ показался страшный, и всему миру явный и дивный чудотворецъ.

Преподобный Иларион.